

На правах рукописи

Князев Игорь Владимирович

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ:
СУБЪЕКТНЫЙ АСПЕКТ**

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата социологических наук

Новочеркасск – 2006

Диссертация выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт) на кафедре «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала)

Научный руководитель

доктор философских наук, профессор Чуланов Василий Александрович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Ивушкина Елена Борисовна

доктор философских наук, профессор Дегтярев Александр Константинович

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

Защита состоится « 13 » декабря 2006 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета К 212.304.01 при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)» в 107 ауд. главного корпуса по адресу: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) (346428 г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132).

Автореферат разослан « 9 » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Щербакова Л.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования Трансформационные процессы в истории современной России отличает увеличение роли стихийных факторов, слабая управляемость и непредреши́нность конечных результатов. Нестабильность трансформируемой системы близка к состоянию «динамического хаоса». Риски социальных катастроф, при утрате контроля над социальными изменениями, становятся чрезвычайно велики и грозят привести к непредсказуемым, губительным последствиям не только для отдельных локальных обществ, но и всего человечества в целом. В условиях общего мирового процветания и достижения современной цивилизацией высочайших уровней в развитии технологий, в том числе оружия массового поражения, проблемы нерегулируемого развития неизбежно приобретают характер глобальных. Недопущение деструктивных сценариев трансформации России выступает важнейшей задачей не только политики, но и науки. В этой связи проблема объяснения социальных трансформаций в российском обществе напрямую связана с необходимостью изучения социального субъекта, то есть носителя модернизационного процесса. Не прояснив вопрос о социальных носителях модернизации, мы не сможем понять сущность и характер общественных преобразований.

Современная теоретическая социология формирует процессуальный образ общества, рассматривая любые социальные изменения, включая широкомасштабные исторические преобразования, как результат активности социальных субъектов. Поэтому выявление направленности социальных сдвигов, возможность воздействия на них во многом зависит от определения субъектов трансформационного процесса. Неизменная актуальность подобной задачи детерминирована предметным полем социологии, в центре внимания которой всегда оставались социальные группы как движущие силы общественного развития, субъекты всех социальных изменений.

Всестороннее исследование проблемы субъектов социальных трансформаций, установление факторов, обуславливающих их активность, должно строиться не только на обобщении эмпирической информации, но и в обращении к историко-теоретическим изысканиям. Социология с самого возникновения фиксировала реальный исторический процесс, прежде всего, в форме последовательного ряда целостных социологических теорий социальных изменений. Экспликация и выстраивание концепций социальных трансформаций в историческом разрезе, и их анализ позволяет создать картину реального социального движения, выявить его социологический смысл.

В последнее время интерес общественной и научной мысли к историческим аспектам теоретической социологии возрастает именно потому, что потребность в глубоком осознании социальной сущности современного российского общества и его места в мировом процессе, в условиях

кардинальных изменений всех сфер общественной жизни страны, становится особенно острой. Методологически отрефлексированный анализ проблемы субъектов социальных трансформаций, как в историко-теоретическом измерении, так и в эмпирическом, позволяет высветить многие качественные стороны трансформационных процессов в прошлом и настоящем российского общества.

Обогащение теоретических знаний о трансформационном процессе имеет огромное научное и практическое значение, помогает не только лучше усвоить опыт прошлого, но и избежать некоторых ошибок в изучении и прогнозировании процессов социальных трансформаций, способствует управленности социальных изменений. Невозможно понять сущность современных трансформационных процессов, не обладая эмпирическим материалом и не зная истории вопроса.

Степень научной разработанности проблемы Проблема социальных трансформаций является одной из центральных в предметном поле исследований отечественных и зарубежных социологов, философов, историков, политологов и экономистов. Наибольший интерес при написании данной работы представляют труды учёных, получившие заслуженное признание в научном сообществе. Это работы польского социолога П. Штомпки, израильского теоретика цивилизаций Ш. Эйзенштадта и отечественного транзитолога В.А. Ядова, а также междисциплинарные исследования Л.И. Новиковой, И.Н. Сиземской и Ю.И. Семёнова, выполненные на стыке социологии и философии истории.

Фундаментальные изыскания по проблемам российского транзита, трансформационного процесса представлены в трудах А.С. Ахизера, В.А. Ядова, Т.И. Заславской, М.А. Шабановой, О.В. Бондаренко, И.К. Пантина, И.С. Дискаина, В.А. Красильщикова, В.Г. Федотовой, В.В. Козловского, А.И. Уткина, А.Н. Данилова.

Следует отметить обобщающие труды по истории социологии, в которых тема социальных трансформаций рассматривалась в контексте социологических концепций отдельных представителей русской социологической мысли. В исследовании вопроса представляют ценность работы Н.А. Бердяева, Б.А. Чагина, Г.Я. Миненкова, А.Н. Медушевского, С.Н. Малявина, В.А. Малинина, А.Г. Айрапетова, А.И. Юдина.

В последние годы был опубликован ряд статей, монографий, зачастую носящих дискуссионный характер и посвящённых отдельным проблемам теоретического наследия выдающихся социологов прошлого и современности, в том числе вопросам социальных трансформаций в их социологических концепциях. Среди них особенно заслуживают внимание прежде всего монографические исследования И. Берлина, В.П. Макаренко, А.И. Черных, а так же статьи М.А. Абрамова, Ю.В. Аксютина, В.М. Артёмова, В. Блохина, Н.А. Васецкого, В.П. Вилковой, П.П. Гайденко, М.Н. Грецкого, Ю.Н. Давыдова,

Ю.В. Емельянова, К.М. Кантора, А.Ю. Кобзевой, М.А. Колерова, Д.А. Колесниченко, В.А. Колосова, Р. Конюшей, Е.И. Корольковой, Я.И. Кузьминова, В.С. Лельчук, Н.В. Новикова, А.П. Огурцова, Т.И. Ойзермана, А.И. Осадчей, Н.С. Плотникова, В.З. Роговина, В.В. Сапова, С.В. Тютюкина, Г. Флоровского.

Однако, в отечественной научной литературе проблемы субъектов общественных преобразований в России остаются мало исследованными и до сих пор не получили должного теоретического осмысления. Даже в работах, специально посвящённых теории и практике социальных изменений, вопрос о субъектах социальных трансформаций если и поднимается, то как вторичный, внимание на нём отнюдь не акцентируется. Таки образом, представляемая диссертация во многом носит инновационный характер и восполняет сложившийся пробел в исследованиях.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – анализ субъектов трансформационных процессов в российском обществе как теоретической и эмпирической проблемы.

Осуществление поставленной цели предполагает решение в диссертационной работе следующих задач:

– рассмотреть основные теоретико-методологические подходы к исследованию понятия «социальная трансформация», выявить критерии её определения и основные характеристики;

– определить понятие субъект социальной трансформации, соотнести его с близкими в смысловом отношении категориями социологии социальных изменений, дать характеристики социальной субъектности, установить отличия подлинной социальной субъектности и псевдосубъектности;

– выявить структуру субъектов социальных трансформаций и установить предлагаемые в теоретической социологии и реализуемые на практике модели взаимоотношений между субъектами разного уровня;

– проанализировать трансформационные процессы в России с позиции модернизационной парадигмы;

– изучить модели субъектов социальных трансформаций российского общества в версиях дореволюционных, советских и новейших отечественных социологических концепций, сопоставить теории субъектов социальных трансформаций с реальным развитием социальных процессов в России;

– исследовать модернизационный потенциал современных российских политических, правящих элит;

– выявить сценарии дальнейшего развития трансформационных процессов в современном российском обществе, основываясь на анализе социальных и поведенческих характеристик субъекта модернизации.

Объектом диссертационного исследования является процесс социальных трансформаций в российском обществе.

Предмет диссертационного исследования – субъекты трансформационных процессов в российском обществе как идеально-типические модели социологического дискурса так и реальные, эмпирически отрефлексированные, носители социальных изменений.

Теоретико-методологической основой данного диссертационного исследования являются основополагающие положения общей социологии и социологии социальных изменений, разработанные в общественных науках современные модернизационная и деятельностьно-активистская парадигмы в исследовании трансформационных процессов.

Изучение субъектного аспекта трансформационных процессов в России основывалось на принципах современной элитологической парадигмы мышления и интерпретации причин происходящих политических, социальных и экономических изменений, разработанной в трудах отечественных социологов и политологов Г.К. Ашина, О.В. Крыштановской, И.С. Дискина, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Понделкова, В.Я. Гельмана и других.

Поставленные в работе цель и задачи определили выбор следующих методов исследования: историко-теоретического, сравнительного, системного анализа, научного обобщения и принципа историзма.

Эмпирической базой исследования является вторичный анализ результатов и материалов всероссийских социологических исследований и мониторингов, проводимых в разное время ВЦИОМ, ФОМ, сектором изучения элиты ИС РАН (руководитель сектора О. Крыштановская), а также данные официальной статистики (Госкомстат).

Научная новизна исследования определяется тем, что проблема субъектов социальных трансформаций как предмет дискурсивного и прикладного, социологического анализа до сих пор остаётся недостаточно изученной, так и не получившей серьёзного теоретического осмысления. В данной работе предпринята попытка, частично восполнить существующий пробел.

Основные результаты диссертационного исследования, позволяющие говорить о его научной новизне, состоят в следующем:

– рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к исследованию сущности социальных трансформаций, разграничено содержание терминов «социальное развитие», «социальные изменения» и «социальные трансформации»; конкретизировано понятие социальной трансформации, описаны основные характеристики трансформационных процессов;

– дано определение субъекта социальной трансформации, представлены его основные характеристики, дифференцировано содержание понятий «субъект», «актор» и «агент» социальных изменений; сформулированы определение и характеристики социальной субъектности, раскрыты различия подлинной социальной субъектности и псевдосубъектности;

– выявлены структура и уровни субъектов социальных трансформаций, различающиеся по количественным и качественным (свойства субъектности) показателям; раскрыта сущность предлагаемых в теоретической социологии и реализуемых на практике моделей взаимоотношений между субъектами трансформационного процесса разного уровня;

– проанализированы трансформационные процессы в России с позиции модернизационной парадигмы, определены причины и последствия запаздывающей модернизации, указаны необходимые направления модернизационной политики в современном российском обществе;

– изучены модели субъектов социальных трансформаций российского общества в версиях дореволюционных, советских и новейших отечественных социологических концепций; выявлены компоненты теоретических конструкций субъектов социальных трансформаций, соответствующие реальному развитию социальных процессов в России и обнаруживающие разрыв с ним;

– основываясь на анализе социального состава, особенностей рекрутирования, воспроизводства, ценностно-идеологических установок и поведенческих характеристик современных российских политических элит, дана оценка их модернизационного потенциала;

– установлена зависимость между качеством политических элит (состав, ценностно-идеологические и поведенческие установки, характер взаимодействия с силовыми ресурсными субъектами) и возможными сценариями дальнейшего развития трансформационных процессов в современном российском обществе.

Положения, выносимые на защиту

1. Признавая верифицируемость основных принципов деятельностно-активистской парадигмы в социологии социальных изменений, под социальной трансформацией следует понимать форму социальных изменений. Её сущностью выступает переход (переходный период) социальных систем, их структурных элементов и функций из одного состояния в качественно другое, к иной социальной системе, посредством целенаправленной деятельности социальных субъектов.

2. Трансформационный, социально-инновационный потенциал общества зависит, в первую очередь, от установок, интенсивности, качества и социальной направленности соответствующей деятельности социальных субъектов, то есть групп, оказывающих целенаправленное институциональное воздействие на ход трансформационного процесса. Именно понятие субъект отражает самостоятельность, самостоятельность, инновационность, творческий характер деятельности социальной группы (индивида), её авторство конкретного социального действия. В условиях кардинальных социоструктурных изменений российского общества, в отсутствии чётких ролевых предписаний, преобразующей деятельности социальных групп (индивидов) присущее самостоятельное, самостоятель-

ное, продуцирующее те или иные социокультурные формы начало, что позволяет нам полагать её как деятельность не исполнителя (актора), а субъекта.

3. Системное усложнение современных обществ обуславливает формирование гетерогенных субъектов трансформационного процесса с многоуровневой структурой. Процессы демократизации и либерализации в различной степени сопровождающие развитие современных обществ определяют включение массовых общностей в структуру субъекта социальных трансформаций. Они составляют низший (массовый) уровень субъектов трансформационного процесса, исполняя роль проводников трансформационных стратегий субъектов высшего уровня. Высший уровень субъектов занимают элитарные группы. Совпадение общественно-политических интересов массовых и элитных групп политического действия на определённом (чаще всего раннем) этапе трансформационного процесса даёт нам основание объединять два различных в социальном отношении уровня в один субъект. Иерархическое разделение между уровнями субъектов происходит не столько по принципу массовости и социальных различий, сколько по поведенческим характеристикам, в соответствии с качествами субъектности. Субъекты высшего уровня обладают свойствами подлинной субъектности, их активность самостоятельна, относительно свободна и способна оказывать влияние на поведение субъектов низшего уровня. Активность субъектов низшего уровня отличают качества псевдосубъектности.

4. Основной характеристикой социальных изменений в современных обществах является включённость науки в модернизационный процесс. Проведение социальных преобразований на современном этапе невозможно без научной составляющей (научные рекомендации, технологии принятия решений и управления), что позволяет признать социологическую науку непосредственным участником трансформационного процесса. Научно постигая наличное социальное состояние, информируя общество о происходящих процессах, формируя ценностно-нормативную систему социальных субъектов общественных изменений, влияя на механизмы поведения и взаимодействия сил, определяющих общественное развитие, социология выступает основным элементом динамики современных обществ. Успех модернизационных процессов объективно коррелирует с влиянием науки на жизнь общества. Чем доступнее становятся достижения науки, тем устойчивыми становятся социокультурные предпочтения личности в выборе современных «модернистских» ценностей и сценариев социального развития, конституирующих обновляющийся социум. Наличие прямых и опосредованных взаимодействий между практикой социальных трансформаций и социологической наукой позволяет предложить и использовать в исследовании субъектов трансформационного процесса в историческом ракурсе метод анализа социологических теорий социальных изменений.

5. Кризисность развития российского социума в периоды реформ, незавершённость модернизационного проекта объясняются неорганичностью проводимых преобразований социально-экономической, политической и культурной специфике общества. Неразвитость общественных сил, заинтересованных в переменах, вынужденный характер реформ и политическая апатия основной массы населения выдвигает в России на роль субъекта преобразований государство, властвующую элиту. Российское государство, исполняя исключительную, в сравнении с другими странами роль в инициировании и осуществлении модернизационного проекта на всех его стадиях, выступает не только прогрессивной, инновационной силой, но и консервативной, инерционной. В отсутствии массовой поддержки реформ и обладая монопольным правом на реформаторский проект, не допуская альтернативных программ, государство становится инертной структурой, мало соответствующей природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокирующих естественное разрешение назревших противоречий. Модернизация в России, становление современного, научно-технического, инновационного типа общества невозможна без интериоризации в индивидуальном и массовом сознании социокультурных ориентаций, конституирующих обновляющийся социум.

6. Отечественная социология, на протяжении всей истории своего развития проявляла приверженность элитистским позициям в конструировании субъектов трансформационного процесса. В силу политических и идеологических позиций отечественных социологов, разные массовые общности (пролетариат, крестьянство) обозначались носителями социальных изменений. Но это обозначение было лишь номинальным. Качествами реального субъекта трансформационного процесса ими наделялись элитарные группы (интеллигенция, политическая партия, государство, персонифицированное политическими элитами). Оценивая качества социальной субъектности массовых и элитных групп, отечественные социологи, в большинстве случаев, устанавливали жёсткую модель отношений между субъектами разных уровней, строящуюся по принципу: приказ – подчинение. При значительной составляющей политико-утопических и идеологических компонентов в теориях отечественных социологов, их модели субъектов социальных трансформаций всё же отражают реальные тенденции развития социальных процессов в российском обществе.

7. В постсоветской трансформации России, в отсутствии развитых институтов гражданского общества и экономически независимых от государства сил, реальным субъектом модернизации остаётся политическая элита. Однако качества элит (идеология, ценностные установки, социальный состав), механизм ротации и тип элитной структуры, формирующийся в России, слабо соотносятся с экономической и политической модернизацией. Сложившийся состав, конфигурация, идеология и ценности новых российских

политических элит, а также характер их взаимоотношений с формирующимися сильноресурсными субъектами, наиболее вероятным делают авторитарный сценарий развития России, в стратегической перспективе незначительно коррелирующий с целями инновационного развития, всесторонней модернизацией общества.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты и выводы проведённого исследования расширяют научные представления о характере и направленности современных социальных трансформаций и могут быть использованы для решения теоретических и практических проблем социально-экономического и политического реформирования российского общества.

Диссертация представляет интерес при подготовке и чтении лекций для студентов и аспирантов социологических специальностей, в частности, при разработке курсов по «Социологии», «Социальной философии», «Социологии социальных изменений», «Социальным трансформациям в России», «Истории социологии».

Апробация работы

Основные положения диссертации изложены в выступлениях автора на научно-практических конференциях, методологических семинарах, а также в открытых публикациях общим объёмом 4,5 п.л.

Структура работы Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы. Общий объём – 200 страниц машинописного текста. Список использованной литературы составляет 281 источник.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень её научной разработанности в отечественной и зарубежной литературе, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, указывается теоретико-методологическая основа исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость представленной работы. Формулируются основные научные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертационного исследования **«ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ»** содержит три параграфа.

В первом параграфе *«Социальные трансформации: понятие, сущность, основные характеристики»* даётся обоснование теоретико-методологических процедур анализа трансформационных процессов, предлагается обзор понятий, используемых для описания трансформирующихся обществ, и предпринимается попытка определить совокупность теоретических категорий,

в наибольшей степени соответствующих новейшим изменениям в российском обществе.

Теоретический анализ общественных процессов в современной России, острая необходимость которого определяется всем ходом реформ, оказывается во многом затруднительным по причине отсутствия дифференциации в базовых категориях, описывающих социальные изменения. Значительный интерес к проблеме социальных преобразований со стороны разных социальных наук, исследующих их в рамках различных парадигм, обусловил появление множества специфических понятий и терминов, зачастую тождественных друг другу и пересекающиеся в смысловом отношении. Поэтому достижение положительных результатов в исследовании социальных трансформаций в немалой степени зависит от разграничения, операционализации и интерпретации основных теоретических категорий, обеспечивающих наличие прочной научной опоры для углубленных оценок направленности и характера общественных преобразований в России.

Понятие «социальное развитие», используемое советским обществознанием для интерпретации общественных преобразований, тождественно «социальному прогрессу», а потому является уязвимым для научной критики.

Кризис марксистского подхода к интерпретации социальных преобразований обусловил обращение социологов в анализе общественных перемен к универсальным категориям, не содержащим оценочного компонента. Именно таким, социологическое сообщество признаёт понятие «социальное изменение», охватывающее самые различные перемены в социальных системах, безотносительно к их направленности, скорости протекания, масштабу, механизму и многим другим параметрам. Однако, мы полагаем, что социальные изменения не следует понимать как вообще любые изменения, происходящие в обществе. Точнее, стоит иметь в виду только те изменения, которые являются социальными в строгом смысле этого слова и выступают предметом социологической рефлексии, а не узкой экономической, технологической и других.

Со второй половины XX века понятие «социальные изменения» всё чаще рассматривается в постклассической, постмодернистской парадигме. Суть нового понимания состоит в том, что социальные изменения осмысливаются не как естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором «социальный субъект», или «актор», играет активную преобразующую роль. Это подход представлен в работах А. Турена, Э. Гидденса, П. Штомпки, М. Арчер, В. А. Ядова и других¹. Исследуя соответствие основных теоретиче-

¹ См.: *Touraine A. Le retour de l'acteur.* – Paris: Fayard, 1989. (в русском переводе *Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии.* – М.: Научный мир, 1998); *Touraine A. The Post-Industrial Society.* – N.Y., 1971; *Touraine A. The Rise and the French Labour Movement.* – *Social Theory and Social Criticism.* – L., 1987; *Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis* – Berkeley: University of California Press, 1979; *Giddens A. The Consequences of Modernity.* – Cambridge: Polity Press. 1990;

ских постулатов «активистских» парадигм реальному развитию социальных процессов в российском обществе, следует признать их верифицируемость.

Кардинальные структурные изменения, происходящие в последнее время в странах Центральной и Восточной Европы и в республиках бывшего СССР, преобразующие все сферы социальной действительности, актуализировали использование в общественных науках категорий, отражающих специфику подобного рода социальных сдвигов. Теоретическое осмысление разворачивающихся на посткоммунистическом пространстве социальных процессов на макро и микроуровнях, чаще всего происходило с использованием понятия «трансформация».

Социальная трансформация, является сложным понятием, содержание которого расширяется по мере становления социального качества. Дискуссионный характер проблемы социальных трансформаций в современном мире, привёл к тому, что даже при широком распространении данного понятия в современной социологии, оно так и не получило однозначного определения. В большинстве трактовок трансформационных процессов преобладало макросоциологическое понимание.

Под социальной трансформацией мы понимаем форму социальных изменений, существом которой выступает переход (переходный период) социальных систем, их структурных элементов и функций из одного состояния в качественно другое, к иной социальной системе, посредством целенаправленной деятельности социальных субъектов – людей и их институтов.

Во втором параграфе «*Субъекты социальных трансформаций: постановка проблемы*» анализируются теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы субъектов социальных трансформаций.

Основными предпосылками (факторами) трансформационного процесса являются социальные субъекты – носители процесса. В новейшей социологии их чаще всего определяют понятиями «социальный субъект», «актор» и «агент». Однако нам представляется, что при анализе движущих сил трансформационных процессов необходимо использовать понятие «социальный субъект». Именно это понятие отражает самостоятельность, самостоятельность индивида (социальной группы), его авторство конкретного социального действия, то есть инновационность, творческий характер деятельности. Использование понятия «субъект» кажется нам более правомёрным ещё и потому, что в усло-

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический Проект, 2003; Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 1; Гидденс А. Риск и судьба // THESIS. – 1994. – № 5; Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996; Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 50-68; Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Фундаментальные проблемы. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – С. 157-195; Ядов В.А. «Посткоммунистическая» трансформации с позиций современных теорий // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. Ин-т социологии РАН, – М., 2004. – С. 346-356; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. – 1999. – № 10-11; Ядов В.А. Россия в мировом пространстве // Социс. – 1996. – № 3. – С. 27-31.

виях трансформации российского общества не все социальные роли ещё чётко установлены, обозначены. Таки образом, социальный субъект – не просто активно действующий индивид (группа), его деятельности обязательно присуще самостоятельное, самостоятельное, продуцирующее те или иные социокультурные формы начало.

В условиях системного усложнения современных обществ ни одна социальная группа не способна независимо от других социальных групп осуществить стратегии социальных изменений, быть самостоятельным субъектом социальных трансформаций. Характерным для современных обществ становится формирование разнородных и структурированных субъектов социальных изменений. Низший, массовый уровень субъектов трансформационного процесса составляют массовые слои общества, без учёта интересов и участия которых в современных демократических обществах совершить преобразования невозможно.

Высший уровень субъектов занимают элитарные группы, обладающие значительным политическим, культурным, образовательным, интеллектуальным капиталом, будь то политическая элита, интеллигенция, политическая партия, преимущественно состоящая из интеллектуалов (по П. Бурдьё и М. Фуко).

Совпадение социально-политических интересов массовых и элитных групп политического действия, на определённом, чаще всего раннем этапе социальных преобразований даёт нам основание объединять два различных в социальном отношении уровня в один субъект. Отношения между субъектами различных уровней в разных обществах строятся на основании типичных для них моделей. Для современных западных обществ данные отношения являются гибкими, чаще основанными на сотрудничестве. В России и других, модернизирующихся западных обществах преобладала жёсткая модель отношений. Элитные группы сознательно осуществляя трансформационные проекты, стратегии, навязывают свою волю массовым слоям общества, спланируют в жёсткие организационные формы и «подталкивают» их к политическому активизму. Более того, они способствуют сознательному росту акторов, привнося в массовые слои идеологию, оправдывающую их трансформационную активность.

Иерархическое разделение между уровнями субъектов происходит в соответствии с качествами субъектности. Под социальной субъектностью автор понимает сущностное качество субъекта (индивида, группы), проявляющееся, прежде всего в его социально творческой деятельности. Анализируя характеристики активности социальных субъектов, следует различать подлинную социальную субъектность и псевдосубъектность. Основным отличием псевдосубъектности от подлинной субъектности является имитация активной деятельности. Подлинная субъектность присуща субъектам высшего уровня, а псевдосубъектность субъектам низшего.

В зависимости от носителя можно говорить о социальной субъектности личности, социальной общности и социального института. Движущими силами

социокультурной трансформации могут выступать и реально выступают не только отдельные социальные группы и индивиды, но и социальные институты.

В России и странах с формирующейся, нестабильной политической системой, индивиды занимают особое место среди субъектов социальных трансформаций. Российское государство традиционно играло и продолжает играть ключевую роль в качестве субъекта трансформационного процесса.

Неотъемлемой характеристикой социальных изменений в современных обществах является включённость науки в модернизационный процесс. Завершение модернизации объективно коррелирует с влиянием науки на жизнь общества. Чем доступнее становятся достижения наук, как естественных, так и социально-гуманитарных, тем устойчивыми становятся социокультурные предпочтения личности в выборе современных «модернистских» ценностей и сценариев социального развития, конституирующих обновляющийся социум.

Среди социальных наук особое место в трансформации общества принадлежит социологии. Социология возникла с претензией быть не только теоретико-описательной наукой, но и политико-функциональной, практической. В России появление социологии стало возможным лишь с распространения западного опыта или процесса модернизации в целом. Противоречия в осуществлении модернизационных проектов, устойчивость традиционных элементов социальной жизни привели к тому, что социологию в России отличали черты, свойственные наукам традиционного общества, и прежде всего глубокая мировоззренческая нагруженность. В силу консерватизма правящих элит, социология в российском обществе становилась чрезвычайно ангажированной в политику наукой. Сверхполитизация, как особенность развития отечественной социологии сохранялась при царском и советском режиме, и более того, по сути, сохраняется и ныне.

Функционирование и изменение современных обществ уже не может обойтись без научных рекомендаций, научных технологий принятия решений и управления, что делает социологическую науку активным участником трансформационного процесса. Но для полноценного участия социологии в реформировании российского общества необходимо всестороннее развитие всех её функций: научно-познавательных, гражданских и политических.

Влияние социологической науки на трансформационный процесс прослеживается и опосредованно, в определяющем воздействии на формирование ценностно-нормативных установок как интеллектуалов, той силы, которая во многом обуславливала направленность исторического движения, так и на действия значительно более широкого круга участников.

Выполняя функции информирования и социального просвещения общества о происходящих процессах и необходимости прогрессивных изменений, социология влияла и влияет на формирование у субъектов социальных трансформаций современных социокультурных установок, рациональных, активистских моделей и механизмов индивидуального и

социального поведения и взаимодействия. А это даёт основание утверждать, что социология в обществах модерна выступает активным участником прогрессивного преобразования общества.

Наличие прямых и опосредованных взаимодействий между практикой социальных трансформаций и социологической наукой позволяет предложить и использовать в исследовании субъектов трансформационного процесса в историческом ракурсе метод анализа социологических теорий социальных изменений в контексте проблемы субъектов.

В третьем параграфе *«Модернизационная парадигма в исследовании трансформационных процессов в России»* анализируются российские трансформации, происходящие на протяжении XIX – XX веков с позиции современной модернизационной теории.

Автор диссертационного исследования полагает, что социальные трансформации – это процессы в высшей степени многозначные, многосторонние. Их изучение может проводиться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснить характер и направленность изменений. Но наибольшей познавательной эффективностью при изучении изменений, происходящих в России, по нашему мнению, обладает модернизационная парадигма.

Под модернизацией понимают цивилизационный сдвиг, переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному, создание индустриальной инфраструктуры и общества потребления¹. Базовые постулаты модернизационных теорий представляют собой модификацию классических учений о прогрессе и идее единства человечества. Современные сторонники модернизационного подхода отказываются от универсализма в понимании социально-экономического развития, подчёркивают важную роль социально-культурных аспектов общества в модернизационных процессах.

Эволюция к «современности» традиционных обществ происходит неравномерно. Западные общества первыми завершили модернизацию, а страны вне западной локализации находятся на различных этапах модернизационного процесса, осуществляя «запаздывающую» модернизацию.

Импульсы запаздывающей модернизации в незападных обществах задавались Западом, представляющим высокоэффективную модель динамично развивающегося общества и, зачастую, одновременно, выступающим для традиционных, отстающих обществ фактором внешней угрозы.

Обобщая исторический опыт, можно говорить о различных механизмах протекания модернизации. На Западе она происходила в результате действия эндогенных факторов, для незападных стран, и России, в частности, характерным был переход к модернизации путём сознательных усилий отдельных, влиятельных в обществе групп, чаще всего элит, осознавших

¹ Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3–39.

необходимость социально-экономических трансформаций. Незрелость общественных сил, заинтересованных в переменах, вынужденный характер реформ и политическая апатия основной массы населения выдвигает в России на роль субъекта преобразований государство, властвующую элиту.

К особенностям догоняющей российской модернизации следует отнести прежде всего исключительную, в сравнении с другими странами роль государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях. «Революции сверху» осуществлялись чаще всего силовыми методами и вопреки устремлениям основной массы населения, а по природе своей оказывались неограниченными политической и социокультурной специфике России.

Незрелость гражданского общества и исключительная роль государства зачастую обуславливали подмену широких общественных преобразований модернизацией самого государства, либо только тех сфер к которым оно имеет непосредственное отношение. Отсюда, можно утверждать о разнонаправленности процессов модернизации государства и модернизации общества.

В России модернизация так и осталась незавершённой. Мы полагаем, что основным условием окончания модернизационного цикла развития российского общества, является укоренение в нём новых, современных социокультурных механизмов, либеральных ценностей. Рыночные структуры не работают без соответствующего культурного сдвига, появления определённого типа личности, а политическая демократия – без институтов гражданского общества.

Во второй главе диссертации **«СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ДИСКУРСИВНЫЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»** приводится историко-теоретический и эмпирический анализ проблемы субъектов российских трансформаций, происходящих со второй половины XIX и до начала XXI века.

В первом параграфе второй главы *«Субъекты социального прогресса в концепциях этико-субъективной шкалы»* рассматривается проблема носителей социализма в теориях русской субъективной социологии, увязанная с трансформационными процессами российского общества второй половины XIX – начала XX века.

Все социологические доктрины народников, сформировавших субъективное направление в российской социологии, представляли собой концепции социального прогресса. Прогресс мыслился ими не как онтологическая категория, а скорее гносеологическая, осознанная всеми истина, нравственный идеал, реализуемый в социальной практике, в построении социализма. В определении социальных идеалов народническую социологию характеризует антропоцентризм.

Субъективным основанием некапиталистической эволюции народнической социологии утверждали наличие социальных субъектов, способных влиять на процесс социальной эволюции, ускорить прогресс общества, либо изменить его направленность. Изначально состоятельность предположения о том, что социальные субъекты могут быть носителями социальных преобразований, основывалось на постулате народнической социологии о «пластичности» исторического процесса. История не только не подчиняется жёстким закономерностям, но и подвержена воздействию человеческого разума. В данном положении народнической социологии обнаруживалось осознание народниками возросшей значимости сознательных, интеллектуальных факторов в развитии современных обществ.

Концепции субъектов социальных трансформаций в этико-субъективной социологии не имели однозначной интерпретации. Большинство теоретиков народничества были убеждены в революционности русского народа, потому и связывали надежды на достижение социалистического идеала, свободы с революцией рабочего класса. Примечательно, что в понятие рабочего класса народническая социология включала, прежде всего, трудовое крестьянство и затем только промышленный пролетариат.

Однако утверждения о революционной гегемонии народа в освобождении общества, лежащие на поверхности социологических концепций народничества, расходятся с подлинным смыслом их представлений о носителях прогресса. Столкнувшись в реальной жизни с непреодолимым непониманием народом интеллигентских воззваний, в отношении к крестьянским массам в народничестве стал проступать либо реализм, вынуждающий признать крайнюю политическую пассивность трудящегося населения, либо презрение, хотя и в скрытой форме, которое возобладает в последующем, куда в большей степени в русском марксизме. Народ не соответствовал тем идеальным представлениям, которые вкладывали в него народнические социологи.

Этико-субъективная социология решающее место в освобождении общества, движении к прогрессу отводит всё же революционной интеллигенции, а роль народа сводит к тому, чтобы быть ударной силой, направляемой «героями», революционерами. В движении к свободе народ ставится в положение ведомого, а «поводырь» выступит образованное меньшинство. Но утверждением об особой роли интеллигенции в историческом процессе далеко не исчерпываются народнические представления о субъектах прогресса.

Большинству народнических социологов свойственно представление о носителях свободы, прогресса как неоднородном, многоуровневом социальном субъекте. Формирование подобных концептов во многом было обусловлено как усложнением модернизирующегося общества, так и признанием возрастающей роли интеллектуалов в общественном развитии.

Низший, или массовый уровень носителей прогресса – это народ. Непосредственно действующей силой, сметающей преграды сковывающие свободы, для них является крестьянство, роль которого, в понимании народников, вряд ли будет вообще исполнена без организующего руководства профессиональных революционеров. А они уже занимают положение, над массами, образуя высший уровень субъектов. Причём модель отношений между субъектами различных уровней, в видении большинства народнических социологов, должна строиться по принципу «приказ – подчинение». И каждому из субъектов трансформационного процесса присущи различные свойства субъектности. Низший уровень обладает качествами псевдосубъектности, его активность важна для осуществления преобразований, но она лишена свойств самостоятельности. Напротив высший уровень субъектов характеризуется качествами подлинной субъектности, его действия проективны и самостоятельны. Следовательно, утверждение основоположников народничества о том, что носителем свободы является крестьянство, если и может быть принято, то только с существенными оговорками. Точнее было бы признать, исходя из их представлений, подлинным субъектом свободы всё же революционную интеллигенцию, нежели угнетённое большинство.

Наверняка не без влияния немецкого либерализма первой половины XIX века и признавая очевидный факт системообразующего воздействия государства на общественную жизнедеятельность в русской истории в некоторых народнических концепциях присутствовало убеждение о «надклассовой сущности государства», необходимости «революции сверху», приближающей прогресс. Потому именно в государстве они нередко видели реального носителя позитивных преобразований общества. Особенно отчётливо эти представления звучали в период проведения либеральных реформ и в конце XIX века, во время утраты их надежд на крестьянскую революцию, в народничестве либеральном, даже при сохраняющейся, достаточно сильной антиэтатистской тенденции.

Народнические социологи отвергали, отстаиваемое в марксизме утверждение о пролетарской гегемонии в социалистической революции. Если же и рассматривали народники пролетариат как отделившуюся от крестьянства и отличающуюся от него часть трудящихся, то роль, которую они отводили ему в достижении социального прогресса сводилась к поддержке крестьянства, либо отвлечению на себя правительственных сил в крестьянском восстании.

Теоретики неонародничества, не изменяя традиционному в народничестве убеждению о значительной роли личности, интеллигенции в историческом процессе лишь трансформировали его в идею партийного руководства народным движением. Объясняя столь значительную роль партийного руководства в освободительной борьбе, неонародники указывали на историческую неразвитость классов в России, окончательно так и не сформировавшихся.

Второй параграф *«Модификации теории пролетарской гегемонии в русском марксизме»* посвящён исследованию концепций субъектов социального прогресса в русской социал-демократии.

Самыми влиятельными среди оппозиционной интеллигенции были «критический» марксизм, «ортодоксальный» марксизм и радикальный, «большевистский». Марксизм, в противоположность народничеству, определял историю как жёстко закономерный и линейный процесс, не допускающий возможности сознательных, личностных вмешательств в ход её движения. Определение субъектов и путей прогресса общества стало, также как и в народничестве, тем основным вопросом, по которому происходило размежевание на различные направления в русском марксизме.

В признании критических марксистов определяющим свойством социальной эволюции, является стихийность. Подобное утверждение призвано было показать естественную необходимость капитализма, неизбежность его появления и развития в России, независимо от сознательных устремлений действующих субъектов. Другим следствием признания в критическом марксизме стихийности исторического процесса стало отрицание классовой борьбы и революции, как проявления сознательной активности и организованности субъектов в истории.

П. Струве, будучи последовательным в признании «стихийности» социально-исторического процесса, вообще отвергал возможность существования субъектов прогресса. Заявляя об отсутствии протагонистов в истории, их тем не менее вполне можно выделить в его концепции. Таковым может быть признано государство, которое им определяется движущей силой отнюдь не мировой истории, а именно русской.

М. Туган-Барановский и Н. Бердяев, принимая идею пролетарской гегемонии, не соглашались с марксовыми доводами её обоснования. Туган-Барановский утверждал, что освобождение пролетариата и общества произойдёт не по причинам экономическим, а более психологическим и морально-этическим. Бердяев пролетарскую революционность обосновывал идеалистически.

В определении направленности социально-исторического прогресса проявились разногласия между «ортодоксальным» марксизмом Г.В. Плеханова и большевистским марксизмом В.И. Ленина. В теории Плеханова социально-историческое развитие имеет линейную направленность и представляет собой процесс социального освобождения, сопряжённый с последовательным прохождением обществом всех стадий социально-экономического развития. В социологической концепции Ленина социально-историческое развитие имеет нелинейный характер, прерывисто и скачкообразно. Революция у него становится главным и единственным средством освобождения общества.

Признавая пролетариат единственной силой способной разрешить проблему социального освобождения, подлинным субъектом социальных транс-

формаций, они тем не менее устанавливали зависимость между осуществлением им прогрессивной, революционной миссии и ростом его политической сознательности. Плеханов, рост классового, политического самосознания пролетариата ставил в зависимость от уровня развития производительных сил. Для Ленина признание доводов Плеханова означало бы отодвинуть свершение социалистической революции в неопределённое будущее, а с этим он никак не мог согласиться. Именно поэтому Ленин отрицал определение классового сознания рабочего класса уровнем технико-экономического развития общества. Приоритетным фактором становления передового классового сознания пролетариата является опыт классовой борьбы, боевых традиций в складывающейся международной ситуации. При этом Плеханов настаивал на самоосвобождении рабочего класса. И хотя в вопросе формирования классового пролетарского сознания Плеханов оставался сторонником «стихийности», значительную роль социалистической интеллигенции в становлении революционного самосознания рабочих он не отрицал. Вообще отношения между революционной интеллигенцией и пролетарскими массами, высшем и низшим уровнем субъекта социалистических преобразований, в видении Плеханова, должны исключать какие либо формы насилия, от идеологического, и организационного, до политического.

Ленин, в отличие от Плеханова, придерживался противоположной позиции. Рабочее движение, по его убеждению, не способно самостоятельно выработать социалистическое сознание и подняться над экономическими требованиями. Социалистическое сознание в пролетариат должна внести революционная, социалистическая интеллигенция. Ленин откладывался полагаться на «стихийность» в революционном процессе и откладывать достижение свобод в отдалённую историческую перспективу, потому и провозглашал основной характеристикой новейшей истории возрастание роли субъективного фактора в социальной жизни. А это означало не меньше как оправдание активного вмешательства организованной социалистической интеллигенции в историю, совершенно независимо от потребностей масс. Таким образом, в концепции Ленина мы также находим структурированное представление о субъектах социальных трансформаций. Высший уровень образует революционная, социалистическая интеллигенция, сплочённая в политическую партию. Собственно она и является подлинным субъектом прогресса, организующим и ведущим за собой массы. Низший, массовый уровень субъектов прогресса, представлен пролетариатом и трудовым крестьянством. Отношения между субъектами разных уровней принимают жёстко организованные формы и строятся на строгом подчинении масс революционному меньшинству. Революционная интеллигенция должна навязать массам революционную идеологию и организовать их революционные выступления.

В третьем параграфе *«Проблема субъектов построения социализма в советской социологии»* рассмотрено содержание дискуссий в советской

социологии и политике по проблемам субъектов коммунистических трансформаций.

Вопросы социального развития в социологии 20-х – начала 30-х годов были представлены, преимущественно, в работах Н. Бухарина, И. Сталина, Л. Троцкого. Социологическим концепциям последних был присущ механицизм, натурализм, часто вульгарный натурализм и технико-экономический детерминизм. Их политические и социальные воззрения представляли дальнейшее развитие ленинской версии марксизма. Вместе с тем, интерпретация некоторых социальных проблем советского общества происходила в зависимости от целей политической борьбы.

За номинальным признанием пролетарской гегемонии в социалистическом строительстве, Бухарин всё же объективно отдавал отчёт о решающей роли государства в социальных преобразованиях, что следовало из концептуального определения главенства политики над экономикой в переходный период диктатуры пролетариата. Хотя, формально все большевистские теоретики не высказывали сомнений в пролетарской гегемонии в социалистическом строительстве.

Бухарин полагал классовым союзником рабочего класса в построении «аграрно-кооперативного» социализма трудовое крестьянство. Соглашаясь с Троцким, он считал, что уровень организационной, управленческой и других видов культуры советского пролетариата остаётся крайне низким. И именно в период пролетарской диктатуры должен произойти процесс переладки, изменения природы рабочего класса, называемый им культурной революцией.

Троцкий был абсолютно убеждён в невозможности социалистических трансформаций в СССР без поддержки мирового пролетариата. Он увязывал достижение социализма исключительно с развитием мировой революции, «угасание» мирового революционного процесса связывал с усталостью русского рабочего класса, его низким революционным потенциалом, всё ещё недостаточной высокой революционной сознательностью и социальным сотрудничеством с мелкобуржуазными слоями, влияющими на его социальную психологию. Крестьянству Троцкий отводил в социалистическом строительстве лишь второстепенную роль, а допущение его возвышения, неизбежно привело бы, по его мнению, к капиталистическому перерождению. Без помощи мировой пролетарской революции сохраняется опасность капиталистического перерождения, реставрации в Советской России капитализма. Сталин доводы Троцкого о невозможности рабоче-крестьянского союза опровергал в большей степени в силу субъективных, политических причин, но отнюдь не объективных.

Наиболее предпочтительным и самым вероятным, в предложении Троцкого, вариантом разрешения, сложившихся в социальных отношениях СССР противоречий, было бы революционное, политическое низвержение советским пролетариатом бюрократической диктатуры. Революционная партия пролетариата большевистского типа должна будет свершить «антибюрократическую

революцию». Но, выдвигая подобные предположения, Троцкий недооценивал всей силы утвердившегося в СССР тоталитарного режима, подавляющего в зародыше любые недовольства политической властью.

В конце 30-х годов с выходом в свет статьи Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938) и книги «История ВКП (б). Краткий курс» (1938), была завершена догматизация марксизма – ленинизма в сталинском изложении. И какие либо отклонения от догмы чреватые были жёсткими наказаниями.

Лишь с 60-х годов происходит возобновление социологических исследований, но развитие теоретической социологии продолжало служить дополнением партийной марксистско-ленинской идеологии. Рабочий класс в советском общественном сознании всё так же представлял «авангардом социального прогресса».

В четвёртом параграфе «*Субъекты модернизации в постсоветской России: теории и реальность*» исследуется соответствие отечественных теорий социальных изменений реальной ситуации развития трансформационных процессов в современном российском обществе, на основе эмпирической информации анализируется модернизационный потенциал российских политических элит.

В конце 80-х – в 90-е годы XX века в период кардинальных социально-экономических и политических изменений, в отечественной социологии появилось множество моделей, объясняющих, происходящие в обществе процессы. Большинство из них, в той или иной степени опирались на марксистские теоретические подходы в анализе действительности.

Субъектом социального прогресса в большинстве случаев называлось рабочее движение, либо же в нём видели потенциальную силу способную определять направленность социальных трансформаций. Наиболее явно марксистский подход в понимании российских социальных трансформаций возобладал в работах социолога и экономиста Г.Я. Ракитской.

Больше всего сторонников было у концепции Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, А. Темкиной, А.К. Назимовой, представивших собственное видение российских социальных трансформаций. Не изменяя принципам марксистской социологии, они всё также субъектом социальных изменений признавали рабочее движение. Но подлинным субъектом прогресса оно пока не стало, поскольку размежевание по отношению к рыночным реформам затронуло и его, выявив во внутренней структуре рабочего класса группы настаивающих на продолжении демократических преобразований и надеющихся на возврат к социалистическому прошлому. Окончательно направленность социально-политических и экономических преобразований будет установлена в зависимости от исхода противоборства сил, отстаивающих различные социальные идеалы и, прежде всего противоборства сил внутри рабочего класса. Авторы концепции явно преувеличивали роль рабочего класса в постсоциалистических трансформаци-

ях. А определение социологами политических и социальных интересов, как и построение моделей политического поведения различных категорий трудящихся, выделяемых ими в составе рабочего класса основывалось на логическом предположении, нежели соответствовало действительности. К тому же разделение по политическим интересам в рабочем классе не было столь жёстким, как они пытались его представить.

Из новейших теорий российских социальных трансформаций наиболее концептуализирована модель Т.И. Заславской и М.А. Шабановой. В соответствии с тремя, выделяемыми ими уровнями трансформационного процесса, они определили три основных актора социальных трансформаций, действующих на этих уровнях. При таком подходе субъектом социальных изменений оказывается не только элита, но и массовые слои общества. Но если оценивать по степени сознательности действий и влияния на трансформационный процесс, подлинным субъектом российских преобразований стоит признать лишь акторов макроровня.

Со второй половины 90-х годов XX века в отечественной социологии начинает развиваться элитологический подход к проблеме субъектов постсоветской модернизации, который на наш взгляд, наиболее полно соответствует происходящим в российском обществе трансформациям.

Как уже ранее отмечалось, в России государство являлось и является системообразующим механизмом общественного развития. Любые крупномасштабные изменения инициируются государством, персонифицированным характерными социальными группами – политическими элитами. В отсутствие сильноресурсных социально-экономических субъектов, модернизация в стране могла быть возможна исключительно на основе государственной инициативы. Радикальные преобразования в СССР в конце 80-х и либеральные реформы в России в 90-х годах XX века были типичным в отечественной истории проявлением «революции сверху».

Учитывая определяющую роль политических элит в трансформации российского общества, мы полагаем, что понимание механизмов изменения, перспектив дальнейшего развития России становится возможным в исследовании структуры, модели формирования, ценностных, идеологических установок и деятельности характерных характеристик современных посткоммунистических политических элит. Она будет оставаться единственным субъектом модернизации, организованным, владеющим материально финансовыми средствами деятельности и рычагами управления до тех пор, пока в России не сформируется реальное гражданское общество и экономически независимые от государства силы.

Новая российская элита отличается от советской по своей структуре, механизм рекрутирования и легитимации, более высокой степенью конкурентности. Однако её состав и некоторые черты внутриэлитных отношений несут на себе отпечаток «номенклатурного прошлого». Спецификой российских поли-

тических элит является то, что практически все они были рекрутированы из прежней советской партийной и государственной бюрократии. По данным исследований ВЦИОМ более 60 % представителей бывшей номенклатуры и сегодня занимают элитные позиции, вполне сопоставимые с номенклатурными должностями советского времени. Лишь 13 % советской правящей элиты конца 80-х годов оказалось сегодня за пределами круга руководящих работников. При этом 15 % из числа бывших представителей номенклатуры владеют сегодня собственным бизнесом. Что касается новых руководящих кругов, то около 80 % нынешних представителей этой группы занимают элитные и «предэлитные» позиции в конце 80-х годов. И только 22 % новой российской элиты действительно являются «новичками на этом празднике власти»¹. По данным исследования О. Крыштановской современная правящая элита на 69,9 % сформировалась из субэлит старой номенклатуры: высшее руководство – на 75 %, партийная элита – на 57,1 %, региональная – на 82,7 %, правительственная – на 74,3 %².

То же самое можно сказать и о формирующейся экономической элите. На 61 % основу её составили представители прежней административной и политической номенклатуры, которые в ходе приватизации трансформировали права распоряжения собственностью в право собственности. По некоторым данным, представители спецслужб и номенклатуры получили в результате приватизации 1992 года более 65 % всей бывшей государственной собственности³. Сработал принцип: чем более высокими номенклатурно-должностными полномочиями при прежнем режиме обладала та или иная группа из правящего слоя, тем большую долю собственности она получает в результате новейшей приватизации. Косвенно это подтверждает и то, что 28,6 % нынешней бизнес-элиты принадлежали в свое время к советской номенклатуре⁴. Характерно, что 14 % новой бизнес-элиты пришли в бизнес с высших государственных постов. Этот тип карьеры сложился только в новой России.

Тип элитной структуры, формирующийся в современной России, слабо соотносится с экономической и политической модернизацией. Он не поощряет коренных изменений. Обозначившаяся тенденция к обособлению элиты от общества, стремление к её самозамыканию, приводит к установлению непубличного характера власти, и утверждению моноцентрического, авторитарного режима, который может создать предпосылки и условия для всесторонней модернизации мобилизационного типа, но его инновационный, реформаторский потенциал ограничен. Неизбежное установление при авторитаризме контроля над

¹ *Ершова Н.С.* Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития: Междунар. симпоз. 17-19 дек. 1993 г. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 151–155; *Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л.* Трансформация правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. – 1995. – № (20); 1996. – № 1 (21);

² *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. – 1995. – № 1. – С. 63.

³ *Панарин А.С.* Искусшение глобализмом. – М., 2000. – С. 45.

⁴ *Крыштановская О.В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998-2002 // Социс. – 2002. – № 8. – С. 23.

развитием рыночных структур, интеллектуальных ресурсов сковывает модернизационный потенциал общества.

Диссертант приходит к выводу, что успех российской модернизации зависит не только от элиты, но и от доверия масс к элите и к проводимым реформам. Отчуждение общества от элиты, недоверие к проводимым преобразованиям делает успехи модернизационного проекта в России призрачными.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, делаются краткие выводы, а также определяются пути дальнейшей исследовательской работы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Проблема субъектов социальных изменений в западной теоретической социологии XX века // Экономика и управление: Межвуз. сб. науч. тр. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2001. – С. 71–74. – 0,2 п.л.
2. Проблемы российского рабочего движения в отечественной социологии 90-х гг. XX века // Экономика и управление: Межвуз. сб. науч. тр. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2001. – С. 82–85. – 0,2 п.л. (в соавторстве).
3. О политическом характере современного рабочего движения // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 2. – С. 7–9. – 0,1 п.л.
4. Научно-технический прогресс и изменение типа работника // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 2. – С. 14–19. – 0,3 п.л.
5. Теория пролетарского мессианства в философско-социологической концепции А.А. Богданова // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 7. – С. 27–34. – 0,4 п.л. (в соавторстве).
6. Проблема «Россия-Запад» в идеологической борьбе 20-х годов XX в. // Научные исследования в области экономики, техники, образования и информационных технологий: Межвуз. сб. науч. тр. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2002. – С. 144–149. – 0,3 п.л.
7. Состояние рабочего движения в постсоциалистической России // Научная мысль Кавказа. Приложение. Спецвыпуск (1). – 2003. – С. 17–21. – 0,3 п.л.
8. Русское народничество: взгляд из современности // Научные исследования в области экономики, образования и информационных технологий: Межвуз. сб. науч. тр. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2003. – С. 260–269. – 0,5 п.л.
9. Герцен и Чернышевский о перспективах освобождения России // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2003. – № 11. – С. 44–50. – 0,4 п.л.
10. Проблема мировой революции и возможности построения социализма в одной стране во внутрипартийных дискуссиях большевиков 20-х годов XX века // Научная мысль Кавказа. Приложение. Спецвыпуск. – 2003. – № 3. – С. 53–61. – 0,4 п.л.
11. Значение образования в концепции социального освобождения М.А. Бакутина // Научная мысль Кавказа. Приложение. Спецвыпуск. – 2003. – № 3. – С. 92–97. – 0,3 п.л. (в соавторстве).

12. Социальные изменения: поиск теоретической модели объяснения // Социально-экономические и правовые проблемы: Сб. науч. тр. / Шахтинский ин-т ЮРГТУ (НПИ). Юж. – Рос. гос. технический ун-т. – Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. – С. 32–38. – 0,4 п.л.
13. Проблема субъектов социальных изменений в концепциях русской христианской социологии // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2005. – Спецвыпуск № 3. – С. 84–89. – 0,3 п.л.
14. Проблема рациональности и свободы в социологии М. Вебера // Актуальные проблемы науки на современном этапе: Межвуз. сб. науч. тр. / Институт открытого образования. – Ростов-на / Д.: Изд-во «Логос», 2005. – С. 166–172. – 0,9 п.л.

Подписано в печать 5.12.2006 г.
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Уч. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 47-4427.

Южно-Российский государственный технический университет (ЮФУ)
Центр оперативной полиграфии ЮФУ (ИПИ)
346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132, тел. 55-222

